

Замѣтки о журналахъ.

АВГУСТЪ 1856.

ОТЧЕТЪ МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ ЗА 1855 Г. — РОМАНЫ И РАЗСКАЗЫ
ГРИГОРОВИЧА. — И. В. КИРЯКВСКІЙ.

Успѣхи просвѣщенія, служащего основою и внутренняго благосостоянія и внѣшняго могущества государствъ, составляютъ предметъ заботъ и желаній нашего Монарха, любящаго Свой народъ и любимаго имъ. Новое подтвержденіе этой общей вѣры, которая соединена съ непоколебимостью надеждъ на счастливыя судьбы русскаго народа подъ кроткииъ и правосудныиъ правленіемъ Александра II, даютъ слова, которыя начерталъ Государь Императоръ на «Отчетѣ Министра Народнаго Просвѣщенія за 1855 годъ»¹⁾, — отчетѣ, обильномъ фактами, свидѣтельствующими о томъ, что Монархъ русскій хочетъ быть просвѣтителемъ Своего народа. Въ «заключеніи» «Отчета» выражена надежда, что на почвѣ учрежденій Народнаго Просвѣщенія, «нынѣ созрѣваемой Царственною благостью, могутъ произрастать обильные плоды науки и нравственнаго преуспѣшя», — противъ этихъ словъ на подлинномъ Отчетѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Дай Богъ».

Дай Богъ, чтобы исполнилось царственное желаніе, на славу Царя и на счастье народа.

Считаемъ своею обязанностью привести здѣсь главнѣйшіе факты, сообщаемые «Отчетомъ». Нѣкоторые изъ нихъ, конечно, уже извѣстны читателямъ, какъ, напримѣръ, назначеніе попечителей въ тѣ учебныя округа, которые прежде не имѣли вачальниковъ, зависящихъ единственно отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; разрѣшеніе университетамъ принимать во всѣ факультеты неограниченное число студентовъ; возстановленіе права наставниковъ получать пенсіи, оставаясь на службѣ; но эти и другіе знаки Высочайшей воли покровительствовать отечественному просвѣщенію такъ отрадны для

¹⁾ «Отчетъ» напечатанъ въ июньской книгѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія».

каждаго истиннаго русскаго, что читателямъ будетъ пріятно съ новою благодарностью къ Монарху припомнить весь рядъ тѣхъ знаковъ Державнаго вниманія къ развитію нашего просвѣщенія, которыми такъ прекрасно ознаменованъ былъ истокшій годъ. Угадывая это желаніе читателей, представляемъ здѣсь нѣкоторый извлеченія изъ «Отчета».

РАСПОРЯЖЕНІЯ ОБЩІЯ.

«По обширности и сложности занятій тѣхъ ивнорагъ-губернаторовъ, коимъ, смерть прямыхъ по ихъ званію обязанностей, было временно поручено и управленіе учебными округами, Ваше Императорское Величество изволило признать за благо: управленіе учебными округами возложить на особыхъ попечителей, согласно положенію 25 іюня 1835 года,—вслѣдствіе чего и данъ Высочайшій указъ Правительствующему Сенату въ 27 день декабря 1855 года.

«Ваше Императорское Величество, во всемілостивѣйшенъ вниманіи въ общему стремленію юношества къ высшему образованію, въ 23 день ноября по всеподданнѣйшему моему представленію, Высочайше повелѣть соизволили принимать по нѣмъ факультеты университетовъ неограниченное число студентовъ.

«Объявляя о соб Монаршей милости, я изъяснилъ, что это разрѣшеніе служить несомнѣннымъ и утѣшительнымъ доказательствомъ довѣренности Вашего Императорскаго Величества къ направленію преподаванія въ университетехъ и въ духу, ихъ благоустройство охраняющему, а вмѣстѣ съ тѣмъ доказательствомъ Всемілостивѣйшаго вниманія и къ благородному стремленію юношества нашего къ приобрѣтенію правильнаго высшаго образованія. «Въ тонъ и другомъ случаѣ—присовокупилъ я—милость Вашего Величества многознаменательна и возлагаетъ на университеты я на самое юношество новыя священныя обязанности и новую отвѣтственность. Университеты должны пастигнуть и оцѣнить дарованное имъ преимущество, постоянно имѣя въ виду, что большее число учащихъ есть только средство къ распространенію познаній и наукъ, но что сей способъ окажется еще недостаточнымъ, если не будетъ обращено строгаго вниманія и на то, чтобы умножилось и число вполне обучившихся и приготовившихъ себя надлежащимъ образованіемъ къ полезной дѣятельности на различныхъ путяхъ государственнаго и общественнаго преуспѣанія». Посему я потрбовалъ отъ университетовъ, чтобы они усугубили постоянное и дѣятельное наблюденіе за правильностію исптаній согласно съ важностію пользы, отъ подобной правильности ожидаемой.

«Вслѣдствіе представленія моего, по положенію Комитета Министровъ, Всемілостивѣйше повелѣно: 1) отъ дѣйствія ст. 2-я пункта а) указа, даннаго Правительствующему Сенату въ 6 день ноября 1852 г., о прекращеніи производства пенсій на службѣ сверхъ жалованья, изъять сдужащихъ по учебной части вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, оставивъ ихъ въ этомъ отношеніи при дѣйствовавшихъ до изданія того указа правилахъ; 2) лицамъ, кои послѣ введенія въ дѣйствіе указа 6 ноября 1852 г. оставлены вновь на службѣ безъ пенсій, назначить заслуженныя имъ пенсіи, но ассигновать къ производству только со дня утвержденія о семъ представленія (5 апрѣля), не выдавая оныхъ за время прошлое.

«По предложенію Его Императорскаго Высочества Генералъ-Адмирала, назначена была изъ лицъ вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія временная коммисія для осмотра по всѣмъ частямъ учебныхъ заведеній морскаго вѣдомства. По представленія отчетовъ коммисія объ исполненіи возложеннаго на оную порученія, Его Высочество изволилъ объявить членамъ коммисіи, по собственному выраженію Его Высочества, «сердечную свою благодарность», и, сверхъ того, отъ имени Вашего Императорскаго Величества объявлено имъ Высочайшее удовольствіе.

ВЫСШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВѢДЕНІЯ.

«*1. Университетъ С.-Петербургскій.* С.-Петербургскій Университетъ въ началѣ 1855 года состоялъ изъ трехъ факультетовъ: историко-филологическаго, фнаико-

математическаго и юридическаго. Въ сихъ факультетахъ находилось въ каждомъ по два разряда, именно: въ юридическомъ—разряды юридическихъ и каверальныхъ наукъ, въ физико-математическомъ—разряды наукъ математическихъ и естественныхъ, въ историко-филологическомъ—разряды словесности общей и словесности восточной. Въ началѣ же 1855—1856 учебнаго года разрядъ восточной словесности, на основаніе Высочайшаго указа 22 октября 1855 года, преобразованъ въ отдѣльный факультетъ восточныхъ языковъ, который и открытъ 1 сентября 1855 года.

«Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 77, учащихся 399. Они распределены по факультетамъ слѣдующими цифрами: въ историко-филологическомъ—30, физико-математическомъ—87, юридическомъ—238, восточныхъ языковъ—44. Въ общемъ числѣ студентовъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 312, духовнаго званія 22, дѣтей купцовъ 26, податнаго состоянія 39. Сверхъ того 77 постороннихъ лицъ допущено къ слушанію лекцій.

«II. *Университетъ Московскій.* 12 января 1855 года Московскій университетъ, съ Высочайшаго соизволенія, праздновалъ совершившееся столѣтіе своего существованія. Послѣ сего въ Возѣ почившему Императору благоугодно было удостоить ауденціи попечителя учебнаго округа, ректора и одного изъ дѣкановъ университета.

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна и Его Императорское Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій осчастливили своимъ посѣщеніемъ факультетскую клинику, дозволили осматривать оную въ подробностяхъ и обратили милостивое вниманіе на благоустройство сего заведенія.

«Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Елена Павловна удостоила Московскій университетъ высокой чести милостивымъ принятіемъ на себя званія почетнаго члена университета.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 128; учащихся 1,203, изъ числа коихъ въ факультетахъ: историко-филологическомъ—58, физико-математическомъ—120 юридическомъ,—222 и медицинскомъ—803. Въ общемъ числѣ учащихся находилось дворянъ и дѣтей чиновниковъ 774, духовнаго званія 126, почетныхъ гражданъ и купцовъ 104, податнаго состоянія 199; сверхъ того, 135 постороннихъ лицъ посѣщали университетскія лекціи.

«III. *Университетъ Св. Владимира, въ Кіевѣ.* Университетъ Св. Владимира состоитъ изъ четырехъ факультетовъ: историко-филологическаго, физико-математическаго, юридическаго и медицинскаго. Изъ нихъ факультетъ физико-математическій раздѣляется на два разряда: наукъ естественныхъ и наукъ математическихъ.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 94; учащихся 616. Изъ нихъ состояло по факультетамъ: историко-филологическому—50, физико-математическому—64, юридическому—68, и медицинскому—434; съ числѣ студентовъ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 478, духовнаго званія 32, почетныхъ гражданъ и купцовъ 46, податнаго состоянія 60. Сверхъ того, допущено къ слушанію лекцій 12 частныхъ лицъ.

«IV. *Университетъ Харьковскій.* 17 января 1855 г. наступило пятидесятилѣтія открытія Харьковскаго Университета. Преосвященній *Филаретъ*, епископъ харьковскій, въ сей день совершилъ божественную литургію и благодарственное Господу Богу молебствіе; послѣ сего въ университетѣ было торжественное собраніе.

«Епископъ Филаретъ, въ выраженіе своего сочувствія къ празднеству и испрошенія имъ на университетъ и въ будущія времена благословенія свыше, принесъ въ даръ университету икону Спасителя—моленіе о Чашѣ.

«Высочайшимъ указомъ 27 декабря, черниговскій, полтавскій и харьковскій генераль-губернаторъ, генераль-адъютантъ *Кокоскинъ*, Всемилостивѣйше уволенъ отъ управленія Харьковскимъ учебнымъ округомъ. Въ то же время попечителемъ сего округа повелѣно быть сенатору, тайному совѣтнику *Катакази*. При семъ особымъ Высочайшимъ рескриптомъ генераль-адъютанту *Кокоскину* изъявлена искренняя признательность за постоянные труды и усердіе, съ которыми онъ дѣйствовалъ во время свыше восьмилѣтняго завѣдыванія его Харьковскимъ Университетомъ и учебнымъ округомъ.

«Харьковскій Университетъ имѣетъ 4 факультета: историко-филологическій, фи-

зво-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико-математическій подраздѣленъ на разряды: математическій и естественныхъ наукъ.

«Чиновниковъ и преподавателей въ университетѣ 78, учащихся—483; изъ нихъ по историко-филологическому факультету 34, по физико-математическому 101, по юридическому 126 и по медицинскому 222. Въ общемъ числѣ учащихся: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 340, духовнаго званія 18, почетныхъ гражданъ и купцовъ 53, податнаго состоянія 72. Кромѣ того, 17 постороннихъ лицъ слушали лекціи.

«Преподаватели медицинскаго факультета и медицинскіе чиновники университета, движимые усердіемъ въ дѣлѣ общей пользы и любви къ отечеству, предложили свои услуги на пользу храбрыхъ нашихъ воиновъ, защитниковъ отечества. Узнавъ о предположеніи учредить въ Харьковѣ военный госпиталь на двѣ тысячи человекъ, они изъявили единодушное желаніе посвятить часть трудовъ своихъ и остающееся отъ чтенія лекцій и другихъ служебныхъ занятій время на безвозмездное пользованіе больныхъ. Съ пользою для больныхъ они предложили соединить и пользу учебную. Къ отдѣленія госпиталю, долженствовавшимъ поступить въ завѣдываніе медицинскихъ чиновниковъ университета, они просили дозволенія прикомандировать и студентовъ высшихъ курсовъ; подъ руководствомъ наставниковъ, здѣсь имъ долженъ былъ открыться рѣдкій случай упражняться въ практикѣ. Сею мѣрою представлялась университету возможность удобнѣе, скорѣе и съ большею увѣренностію въ успѣхѣхъ приготовить къ выпуску студентовъ послѣднихъ курсовъ в гѣмъ снабдить военно-медицинское вѣдомство врачами, уже приобрѣтшими известную степень опытности и навыка въ леченіи разнообразныхъ болѣзней. Такая готовность медицинскихъ чиновъ университета удостоена Высочайшей Вашего Императорскаго Величества благодарности. Проектъ правилъ для особыхъ клиническихъ отдѣленій Харьковскаго военно-временнаго госпиталя, по сношенію съ военнымъ министромъ, Высочайше утвержденъ 16 октября.

«*V. Университетъ Казанскій.* Казанскій Университетъ имѣетъ четыре факультета: историко-филологическій, физико-математическій, юридическій и медицинскій. Факультетъ физико-математическій дѣлится на разряды математическихъ и естественныхъ наукъ; юридическій факультетъ раздѣленъ на разряды собственно юридическій и канцелярскій. Разрядъ восточной словесности, входившій въ составъ историко-филологическаго факультета, со второй половины 1855 г. закрытъ, по случаю учрежденія при С.-Петербургскомъ Университетѣ факультета восточныхъ языковъ.

«Въ Казанскомъ Университетѣ чиновниковъ и преподавателей 77; учащихся 340, изъ коихъ въ факультетѣ историко-филологическомъ 12, физико-математическомъ 40, юридическомъ 114 и медицинскомъ 174. Въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 202, духовнаго званія 27, почетныхъ гражданъ и купцовъ 39, податнаго состоянія 72.

«*VI. Университетъ Дерптскій.* Дерптскій Университетъ составляютъ пять факультетовъ: богословскій, юридическій, историко-филологическій, физико-математическій и медицинскій.

«Въ университетѣ чиновниковъ и преподавателей 74, учащихся 618. Изъ нихъ въ факультетахъ: богословскомъ—111, юридическомъ—86, историко-филологическомъ—63, физико-математическомъ—87, медицинскомъ—271; въ общемъ числѣ: дворянъ и дѣтей чиновниковъ 245, духовнаго званія 70, купцовъ 40, податнаго состоянія 263.

СРЕДНІЯ И НИЗШІЯ УЧЕБНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ.

«Нѣкоторые изъ учебныхъ заведеній Московскаго округа имѣли счастье принимать въ стѣнахъ своихъ Высокихъ Посѣтителей. 5 сентября въ Четвертую Московскую Гимназію изволили прибыть Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Августѣйшими Братями Александромъ, Владиміромъ и Алексѣемъ Александровичами, въ сопровожденіи наставниковъ своихъ. Ихъ Высочества встрѣчены были мною. Остановивсь сначала въ физическомъ кабинетѣ, гдѣ Имъ показаны были нѣкоторые снаряды и опыты, Они посѣтили затѣмъ павильонъ гимназіи. Обойдя спальни и залы, Ихъ Высочества взошли на бельведеръ, откуда открывается великолѣпный видъ

на Москву в окрестности ея. Академику Погодину предостовлена была высокая честь объяснить эту величественную картину бѣглыми очеркомъ исторіи Москвы в сѣ немъ связавшихъ великихъ событій нашей отечественной исторіи. Потомъ Высокіе Посѣтители изволили войти въ столовую, остались тамъ нѣкоторое время и отвѣдывали кушанье. При отъѣздѣ Ихъ Императорскія Высочества, проходя черезъ актовую залу, остановились передъ золотою доскою, на которой изображены имена отличившихъ воспитанниковъ и на которой Они нашли знакомое Имъ имя Жуковского. Радостною толпою тѣснились около Высокихъ Гостей своихъ воспитанники гимназіи и провожали ихъ до самаго выхода изъ заведенія.

«16 сентября эта же гимназія имѣла счастье привѣтвать у себя Его Императорское Высочество Принца Ольдсбургскаго, который 12 сентября удостоилъ и Первую Московскую Гимназію подробнымъ осмотромъ, при которомъ изволили произвести испытаніе нѣкоторымъ изъ учениковъ старшаго класса въ переводахъ съ латинскаго языка на русскій, при чемъ Его Высочество выразился весьма одобрительно и лестно объ отвѣтахъ спрошенныхъ учениковъ.

ИМПЕРАТОРСКАЯ АКАДЕМІЯ НАУКЪ.

«Въ истекшемъ году Академія понесла важную утрату. Графъ Уваровъ, состоявшій въ званіи почетнаго члена съ 1811, а въ должности ея президента съ 1818 года, скончался въ Москвѣ 4 сентября. Въ его управленіе преимущественно получили развитіе филологія, технологія и изысканія о Востокѣ. Сверхъ того, онъ значительно обогатилъ кабинеты.

«Высочайшимъ указомъ 26 ноября члену Государственнаго Совѣта, статсъ-секретарю, главноуправляющему вторымъ отдѣленіемъ Собственной Вашего Императорскаго Величества канцеляріи, дѣйствительному тайному совѣтнику графу *Блудову* всомилотивѣйше повелѣно быть президентомъ Академіи, съ оставленіемъ при всѣхъ занимаемыхъ имъ должностяхъ.

«Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Николай Николаевичъ и Михайлъ Николаевичъ удостоили принять званіе почетныхъ членовъ Академіи.

ЦЕНСУРА.

«*Цензура въ Имперіи.* Главное управленіе цензуры, слѣдя постоянно за духомъ и направленіемъ литературной дѣятельности, наблюдая какъ непосредственно, такъ и при посѣбш чиновниковъ для особыхъ порученій за исполненіемъ всѣхъ правилъ ценсурнаго устава, разрѣшало возникавшіе въ кругу дѣйствій подвѣдомственныхъ ему мѣстъ и лицъ недоумѣнія в вопросы и вообще руководствовало цензоровъ въ соннительныхъ случаяхъ.

«Число вышедшихъ въ свѣтъ въ 1855 году сочиненій оригинальныхъ простирается до 1,148, персводныхъ—до 91.

«Въ 1854 году издавалось, подъ наблюденіемъ внутренней цензуры вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія, журналовъ и газетъ 103. Съ 1855 года начала выходить въ свѣтъ еженедѣльная газета *Лѣсоводства и Охоты*, издающаяся по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ, на основаніи Высочайшаго соизволенія, послѣдовавшаго въ 16 день декабря 1854 года. Такимъ образомъ, въ 1855 году число періодическихъ изданій возрасло до 104, и послѣдовало Высочайшее соизволеніе на изданіе четырехъ новыхъ журналовъ, кои суть: 1) *Художественный Журналъ для Юношества*, 2) *Музыкальный и Театральный Вѣстникъ*, 3) *Живописная Русская Библіотека*, 4) *Русскій Вѣстникъ*, которые стали выходить въ свѣтъ съ начала текущаго года.

«По штату ценсурнаго управленія, для ценсурованія книгъ на восточныхъ языкахъ положено было имѣть отдѣльнаго цензора въ Казани, изъ профессоровъ восточныхъ языковъ. Съ упраздненіемъ въ 1855 году преподаванія восточныхъ языковъ въ

Казанскомъ Университетѣ, признавая, что цензура еочиненій на сихъ языкахъ должна оставаться по прежнему въ Казани, я испросить чрезъ Комитетъ Министровъ Высочайшее соизволеніе возлагать ценсурованіе книгъ на восточныхъ языкахъ въ Казани на одного изъ служащихъ тамъ чиновниковъ.

Число оригинальныхъ сочиненій 1855 года, учебнаго и ученаго содержанія, сравнительно съ 1854 годомъ, по числу названій, въскольکو умвожилось, по объему же своему уменьшилось. Сравненіе частныхъ итоговъ по разнымъ отраслямъ наукъ показываетъ, что въ 1855 году особенно уменьшился объемъ изданій по части богословія (иновѣрческихъ исповѣданій), наукъ юридическихъ и государственныхъ, пособій къ изученію языковъ и медицины; увеличился же по сельскому хозяйству и технологіи, по географіи, этнографіи и путешествіямъ, по исторіи всеобщей и иностранныхъ государствъ, по философіи и педагогикѣ. Между оригинальными сочиненіями собственно литературнаго содержанія, сравнительно съ 1854 годомъ, усматривается увеличеніе въ собраніяхъ сочиненій (въ стихахъ и прозѣ), въ стихотвореніяхъ лирическихъ и повѣствовательныхъ, энциклопедическихъ словаряхъ и сборникахъ, романахъ и повѣстяхъ; уменьшено же, хотя незначительно, оказалось въ дѣтскомъ чтеніи и въ еочиненіяхъ драматическихъ.

«Общее число ввезенныхъ изъ-за границы въ Россію въ 1855 году книгъ составляло 1,191,645 томовъ. Въ 1854 году число это простиралось до 886,425 томовъ. Посему привозъ иностранныхъ книгъ въ 1855 году увеличился 305,320 томами.

«Въ числѣ ввезенныхъ книгъ неизвѣстнаго ценсурѣ содержанія, разсмотрѣно пъ комитетѣ ценсуры иностранной 1,235 сочиненій въ 1,779 томахъ, а въ комитетахъ Рижскомъ, Виленскомъ, Одесскомъ, Кіевскомъ и отдѣльныхъ ценсоромъ въ Ревелѣ—1,133 сочиненія въ 1,674 томахъ. Въ 1855 году подвергались запрещенію преимущественно полиграфическія изданія, романы, повѣсти и памфлеты, исключительно писанные въ духъ партій и подъ вліяніемъ враждебныхъ страстей.

«По прошеніямъ книгопродавцевъ и другихъ лицъ, выслано обратно за границу 11,074 тома запрещенныхъ, позволенныхъ съ исключеніями и неизвѣстныхъ еще ценсурѣ сочиненій, а, сверхъ того, 119 экзепляровъ картинъ и другихъ предметовъ.

«Комитетъ разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ, учрежденный въ 1850 году, разематривалъ всякаго рода учебники (кромѣ книгъ духовнаго содержанія), издаваемые частными людьми, со включеніемъ всѣхъ сочиненій и переводовъ, назначавшихъ для дѣтскаго чтенія.

«Въ истевнемъ году разенотрѣно комитетомъ 291 сочиненія, изъ коихъ было одобрено къ выпуску въ свѣтъ: безусловно—149, съ указаніемъ исключеній и исправленій—73, по исправленіи согласно едланннхъ прежде замѣчаніямъ—13, возвращено для передѣлки по замѣчаніямъ 39, и не одобрено, какъ не удовлетворяющихъ педагогическимъ или дидактическимъ требованіямъ, 17.

«*Цензура въ Царствѣ Польскомъ.* На разсмотрѣніе Варшавскаго Ценсурнаго Комитета представлено въ 1855 году по ценсурѣ внутренней, рукописей и печатныхъ книгъ 355 (противъ 1854 года 40 менѣе). Изъ этого числа одобрено къ печатанію 311, возвращено вторамъ, для исправленій, 13, осталось къ разсмотрѣнію на 1856 годъ 31.

«Въ 1855 году привезено изъ-за границы 22,628 сочиненій въ 71,908 томахъ. Этотъ годъ превосходить предъидущій въ привозѣ книгъ: по числу названій—на 101, а по количеству томовъ—ва 5,350.

«*Общій выводъ.* Въ 1855 году въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Провѣщенія входилось въ Имперію 2,250 учебныхъ заведеній съ 120,247 учащихся.

«Изъ числа учащихся было: въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (университетахъ, Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, лицейхъ и ветеринарныхъ училищахъ)—4,127, въ гимназіяхъ—17,817, въ уѣздныхъ училищахъ—27,309, въ приходскихъ—49,101, въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ—21,893, въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ—3,488.

«Общее число учебныхъ заведеній въ Имперіи простиралось до 2,366, а число учащихся—до 123,735.

«Въ Варшавскомъ учебномъ округѣ училищъ 1,516, учащихся 71,755; въ томъ числѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ 3,296, въ уѣздныхъ училищахъ 3,858, въ начальныхъ 57,786.

«Затѣмъ совокупное число учебныхъ заведеній составляетъ 8,872, а число учащихся—194,490.

«Воспитательныхъ заведеній было 101, въ томъ числѣ 54 пансіона при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ и 47 ковкинтокъ и общихъ ученическихъ квартиръ.

«Ученыхъ степеней и разныхъ недипломскихъ званій удостоено 964 человекъ.

«Изъ сравнительныхъ вѣдомостей, приложенныхъ къ настоящему отчету, оказывается, что, несмотря на военное время, число учащихся въ Имперіи въ 1855 году уменьшилось только на 2,948 ч. Уменьшеніе сіе относится къ однимъ уѣзднымъ и приходскимъ училищамъ и къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ, ибо въ гимназіяхъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся оставалось почти то же самое. Но заслуживаетъ особаго вниманія уменьшеніе числа учащихся Варшавскаго учебнаго округа: эта убыль простирается до 7,474 человекъ. Обстоятельство сіе можно объяснить какъ тѣмъ, что съ 1851 года число таковыхъ начальныхъ училищъ начало уменьшаться потому, что сельскія общины освобождены отъ складки на содержаніе училищъ и отъ обязанности посылать дѣтей въ оныя, такъ я военными обстоятельствами.

«*Заключеніе.* Руководимое въ общихъ видахъ своихъ указаніями Вашего Императорскаго Величества, Министерство, въ протекшемъ году, старалось укоренять глубже созрѣвшія уже начала и учрежденія, коихъ общепользительная доказана продолжительнымъ опытомъ, и имѣть съ тѣмъ приводило въ ясность тѣ данныя и потребности, изъ которыхъ должно возникать постепенно всякое будущее улучшеніе. Уже нѣкоторые изъ сихъ потребностей обозначились и опредѣлились явственно какъ вслѣдствіе личнаго моего обзоренія учебныхъ заведеній, такъ и чрезъ постоянныя административныя дѣйствія. Выводы изъ всего этого послужатъ основаніемъ для послѣдующихъ предначертаній и трудовъ Министерства. Обинимая движеніе вашего образованія и пужды, общества Министерство болѣе и болѣе убѣждается, что въ общей системѣ нашихъ учреждений и ихъ организаціи, устроенныхся послѣдовательно въ царствованіе Императрицы Екатерины II, Императоровъ Александра I и Николая I, лежитъ прочная основа ихъ будущаго процвѣтанія и что на этой почвѣ, *столь тщательно приготовленной и нынѣ созревающей Царственной благодію, могутъ произрастать обильныя плоды науки и нравственнаго преуспѣянія.* (Здѣсь на подлинномъ отчетѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «*Дай Богъ!*»). Со стороны вашихъ юношей надобно, чтобы они сильнѣе и сильнѣе прилгблились въ труду мысли, строгому и послѣдовательному, почерпая въ немъ самомъ и въ пользѣ, ожидаемой отъ него отечествомъ, возбужденію и поощренію для себя, не удовлетворяясь одною внѣшностію образованности; а нельзя не сознаться, что у насъ вообще слишкомъ довольствовались внѣшней образованностію, считая или даже выказывая се за настоящую. Наука и педагогика въ пылѣшвенъ ихъ направивши, при одушевляющемъ сердца святомъ религіозномъ вазиданіи, готовы исполнѣ содѣйствовать сему. Не подложитъ сомнѣнію, что духъ образующагося поколѣнія сильно возбужденъ, и это возбужденіе возвышаетъ изъ столь прекраснаго источника: оно отличается столь благороднымъ направленіемъ, что самыя серьезныя требованія науки, такъ же, какъ требованія чести, не могутъ его утратить. Во время личнаго моего обзоренія университетовъ и гимназій, видкая въ наклонности, образъ мыслей и нравы молодыхъ людей, бесѣдуя съ ними, присутствуя при ихъ учебныхъ занятіяхъ и экзаменахъ, я съ удовольствіемъ видѣлъ въ нихъ сознательное, на внутреннѣмъ убѣжденіи основанное стремленіе воспользоваться всѣми предлагаемыми имъ средствами званія въ духѣ той строгой методы, какая предписывается современными требованіями науки, отвергающими все шаткое и поверхностное. Совѣты мои и внушенія въ томъ, сколь нужны на всѣхъ поприщахъ службы Государю и отечеству умы развитые, нравственные, обогвщепные знаніемъ стройными и плодотворными, вездѣ встрѣчали искреннее, глубокое сочувствіе. Утѣвительно было видѣть ту радость, съ какою было принято между нашими юношами

вновь дарованное дозволеніе поступать въ университеты всѣмъ желающимъ, безъ соблюдоія опредѣленнаго комплекта, и въ особенности ту сердечную готовность, съ какою холодные люди высшихъ учебныхъ заведеній Министерства, внимая священному призыву своего Монарха, стремились приобрести необходимыя приготовительныя свѣдѣнія, чтобы стать въ ряды защитниковъ отечества. Менѣе, чѣмъ въ четыре мѣсяца, не оставляя завятій высшими науками своихъ факультетовъ, они успѣли столько въ военныхъ знаніяхъ и вѣзорціяхъ, что поступили на службу офицерами. Между тѣмъ, другіе изъ нихъ товарищей сдѣлали инымъ образомъ выразить свое пламенное желаніе быть полезными въ трудные для отечества дни: я разумѣю студентовъ медицинскіхъ, которые, при содѣйствіи своихъ достойныхъ профессоровъ, явили также необыкновенныя усилія, чтобы быть въ состояніи оказывать пособія раненымъ на полѣ битвы или посреди заразы. Ихъ самоотверженіе не охладѣвало при видѣ многихъ изъять же собратій, сдѣлавшихся жертвою своего долга. Такобъ энергической дѣятельности посвятившихъ себя медицинскимъ наукамъ и медицинскимъ факультетовъ Министерства обязано тѣмъ, что могло выпустить изъ своихъ заведеній 113 врачей и даже, къ первой трети текущаго года, приготовить къ выпуску болѣе 80 человекъ.

«Та же нравственная сила, которая въ юныхъ умахъ дѣйствовала столь благотворно и живительно, одушевляла и все ученое и учебное сословіе. Радуюсь, что могу свидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ о постоянныхъ трудахъ и заелугахъ сего поистинѣ почтеннаго сословія. Лица, его составляющія, въ тревожныхъ обстоятельствахъ государства, какъ и всегда, оказали себя вполне достойными своего высокаго призванія. Обстоятельства эти не только не ослабляли ихъ обычной дѣятельности, но, напротивъ, возбуждали въ нихъ новую ревность къ своему долгу. Они глубже, чѣмъ когда либо, поняли, что покушенія враговъ могутъ быть намъ опасны только превосходствомъ и опередившими насъ успѣхами ихъ въ наукахъ и искусствѣ, и что опасность эта исчезнетъ тотчасъ, какъ скоро мы противопоставимъ имъ дарованныя намъ Богомъ умственныя силы, съ твердою увѣренностію не уступить никому въ великомъ дѣлѣ человѣческаго усовершенствованія.

«Въ отчетѣ семъ я имѣлъ счастье подробно означить разные ученые труды, состоящіе частью въ сочиненіяхъ, а частью въ исполненіи особенныхъ возлагаемыхъ начальствомъ порученій, — путешествій по Россіи, предпринятыхъ съ спеціальною цѣлію обзорнія разныхъ учрежденій въ техническомъ отношеніи, и проч. Всѣ подобныя работы совершались безостановочно, какъ бы во днѣ мира, добросовѣстно, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Нѣкоторыя изъ ученыхъ занятій были особенно важны по пользѣ, отъ нихъ ожидаемой въ приложеніи положительныхъ знаній. Таковы, между прочимъ, занятія на Николаевской обсерваторіи. Ея труды, исполненные въ 1855 году съ цѣлію споспѣшествованія точной географіи въ нашемъ отечествѣ, обращаютъ вниманіе всего ученаго міра, что подробно изложено въ моемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ. Излншнимъ считаю присовокупить, что, кромѣ сихъ трудовъ, на Николаевской обсерваторіи читаются курсы астрономіи и точной географіи, и ноѣ лица, предназначаемыя для географическихъ и геодезическихъ работъ, какъ военныя, такъ и собственно ученые, стекаются туда и проводятъ по нѣскольку мѣсяцевъ въ окончательномъ приготовленіи себя къ предстоящимъ занятіямъ. Во исполненіе Высочайшей Вашего Величества воля, съ конца нынѣшняго года откроется новый постоянный курсъ для офицеровъ Воевой Академіи.

«Для составленія полнаго, современнаго, географическаго атласа Россіи Министерство пригласило на таковой важный трудъ профессоровъ. На этомъ основаніи нынѣ трудятся надъ составленіемъ профессоръ С.-Петербургскаго Университета *Кунторга* — соръ Дерптскаго Университета *Гревинга* — губерніи Курляндской, профессоръ Университета Св. Владіиміра — губерніи, профессоръ Харьковскаго Университета профессоръ Казанскаго университета *Важнеръ*, производить географическое изслѣдованіе почти всѣхъ губерній Россіи.

«Факультетъ восточныхъ языковъ при С.-

вляющій главный въ Имперіи разсадникъ образованія оріенталистовъ, какъ ученыхъ, такъ и требуемыхъ для службы, находится въ полномъ своемъ составѣ и началъ успѣшно свои дѣйствія.

«Во дни войны и испытаній съ высоты Престола раздался голось къ русскимъ сердцамъ, призывавшій къ исполненію ихъ долга. О томъ, какъ онъ былъ услышанъ, знаетъ Европа, узнаютъ позднѣйшее потомство. Въ день разцвѣтающаго мира, Вы, Всемилостивѣйшій Государь, знаменательными словами: *да развивается повсюду съ новою силою стремленіе къ проевѣщенію и всякой полезной дѣятельности*, благоволили призвать народъ свой къ другому великому подвигу. Этотъ призывъ запечатлѣлся въ сердцахъ и умахъ; онъ будетъ служить вѣрнымъ указаніемъ для нашей дѣятельности».

Въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» напечатана шестая и послѣдняя часть романа г. Григоровича «Переселенцы». Скоро это замѣчательное произведеніе явится отдѣльною книгою, и тогда мы будемъ имѣть возможность подробно говорить о немъ и, по поводу его, обозрѣть всю литературную дѣятельность г. Григоровича. Здѣсь мы можемъ только вскользь коснуться нѣкоторыхъ мыслей, вызываемыхъ прекраснымъ рассказомъ, начало котораго было встрѣчено публикою съ тѣмъ интересомъ, какой всегда возбуждаютъ произведенія автора «Дефевни», «Антоня-Горемыки» и «Рыбаковъ», а послѣднія части котораго все болѣе и болѣе приковывали къ себѣ живое сочувствіе читателя.

Была мода на романы изъ простонароднаго быта. Мода, какъ всегда, такъ и въ этомъ случаѣ, излишествами своими привела къ сомнѣніямъ, за увлоченіемъ послѣдовало охлажденіе, и теперь такъ же трудно заинтересовать публику простонародныхъ рассказомъ, какъ легко было пять-шесть лѣтъ тому назадъ привлекать ея вниманіе моднымъ выборомъ простонароднаго сюжета. Успѣхъ повѣстей, изображающихъ нравы нашихъ поселянъ, основывался преимущественно на достоинствахъ рассказовъ г. Григоровича; въ охлажденіи, которое было возбуждено недостатками многочисленныхъ его подражателей, г. Григоровичъ не виноватъ, и публика справедливо освобождаетъ его отъ всякой отвѣтственности за чужіе грѣхи: переставъ читать простонародные рассказы писателей, бросившихся на эту дорогу въ надеждѣ раздѣлять успѣхъ г. Григоровича, публика съ прежнимъ интересомъ читаетъ и перечитываетъ новыя произведенія г. Григоровича: она очень хорошо чувствуетъ разницу между «Переселенцами» и, наприимѣръ... но къ чему утруждать себя припоминаніемъ примѣровъ, о которыхъ никому не хочется вспоминать? И никто изъ забываемыхъ описывателей простонароднаго быта не можетъ роптать на несправедливость своей судьбы. Зачѣмъ они, если имѣютъ талантъ (человѣкъ безъ таланта, конечно, ни въ чемъ не виноватъ), — зачѣмъ они не захотѣли подумать о томъ, что составляетъ главное достоинство простонародныхъ рассказовъ г. Григоровича: вообразили, что, копируя или утрируя только внѣшнія произведенія, могутъ ожидать прочнаго успѣха? Внутренняя надвывается, а никакія уловки не прикроютъ и не прикрасятъ подражатели, не понимая г. Григоровича, поддѣлывались подъ него, воображали, будто бездушнымъ подражаніемъ манеръ... Зачѣмъ они не приняли въ соображеніе, что

г. Григоровичъ силевъ потому, что знаетъ и любить народъ, и воображали, будто все дѣло состоятъ въ крестьянскихъ именахъ, и въ замѣнѣ обыкновенныхъ русскихъ словъ такими диковинками, какихъ читателю съ бритой бородой и слышать не приводилось? Зачѣмъ они дѣйствовали такъ, будто гоголевы «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки» были обязаны своими успѣхами заливчаваю малоруссквхъ словъ изъ «Лексикона» Памвы Беринды?

Г. Григоровичъ знаетъ деревенскій бытъ средней полосы нашего царства и нимало не думаетъ самъ себѣ дивиться или хвалиться передъ другими тѣмъ, что онъ знаетъ его, какъ житель Петербурга вовсе не дивится тому, что знаетъ Петербургъ, какъ человекъ, служившій на Кавказѣ, вовсе не дивится тому, что знаетъ кавказскіе обычаи; да и скажите, въ самомъ дѣлѣ, что такое за диво быть въ русскомъ царствѣ человекомъ, хорошо знающвмъ сельскую жизнь? Каждый помѣщикъ, каждый чиновникъ земской полиціи, каждый сельскій священникъ очень хорошо знаетъ нравы поселянъ. Хвалиться тутъ ровно ничѣмъ. Вѣдь русская деревня для насъ не Австралія, которой не вдалъ никто изъ нашихъ соотечественниковъ. Г. Григоровичъ находитъ, что поселяне — такіе же люди, какъ и мы, и большею частью люди добрые и неглупые; потому онъ любитъ ихъ, и когда видитъ, что они терпятъ нужду или притѣсненіе, ему становится жаль ихъ. Всѣмъ этимъ своимъ чувствамъ онъ вовсе не думаетъ дивиться или хвастаться ими; да и что, въ самомъ дѣлѣ, удивительнаго въ этихъ чувствахъ? каждый благородный и не близорукой человекъ, который знаетъ нашихъ поселянъ, любитъ ихъ и жалѣетъ о невзгодахъ, какія встрѣчаются въ ихъ бытѣ.

Каждый литераторъ съ самостоятельнымъ талантомъ беретъ сюжеты для своихъ рассказовъ изъ того круга жизни, который интересуется его и хорошо ему знакомъ. Такъ поступилъ г. Григоровичъ: онъ сталъ писать рассказы изъ сельскаго быта, и выборъ его былъ рѣшенъ не какиминибудь мелочными соображеніями, не заботою о нововведешяхъ, или похвалбою, или разсчетами на особенный успѣхъ, — изъ такихъ соображеній въ поэзіи никогда ровно ничего не выходитъ, потому что талантъ истинный не подчиняется имъ. Вовсе нѣтъ: г. Григоровичъ сталъ писать повѣсти изъ сельскаго быта потому, что близко знаетъ этотъ кругъ и интересовался имъ; тутъ было не болѣе, какъ исполненіе поговорки: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Писалъ ли ктонибудь по русски до г. Григоровича хорошія повѣсти изъ великорусскаго сельскаго быта или нѣтъ, это для г. Григоровича было рѣшительно все равно. Онъ самъ чувствовалъ влеченіе описывать сельскій бытъ, чувствовалъ, что можетъ описывать его, — на этомъ влеченіи таланта было основано все.

И вотъ явились «Деревня», «Автопъ-Горемыка» и т. д. Авторъ нимало не дѣлалъ насилія своему таланту, когда писалъ ихъ: выборъ предмета былъ направленъ любовью въ поселянамъ. Авторъ нимало не щеголялъ ни своимъ знаніемъ крестьянскаго языка, ни тѣмъ, что бывалъ въ курныхъ избахъ; онъ только вѣрно описывалъ хорошо знакомый ему бытъ. Видно было, что онъ любитъ поселянъ, какъ людей, и сочувствуетъ ихъ интересамъ. Очень натурально, что повѣсти, написанныя съ талантомъ и знаніемъ, оживленныя сочувствіемъ автора къ изображаемымъ людямъ, имѣли успѣхъ. Успѣхъ основывался на существенныхъ, неотъемлемыхъ достоинствахъ произведеній.

Но люди догадливые относительно средствъ всѣми правдами и неправдами добиться литературнаго успѣха тотчасъ же сообразили, въ чемъ дѣло. Они догадались, что успѣхъ повѣстей г. Григоровича основанъ не на достоинствѣ повѣстей, а только на томъ, что въ повѣстяхъ описываются не такіе люди, какъ мы съ вами, а совершенно невиданные вѣкъмъ—какіо-то чудачи съ бородами и въ онучахъ, и говорятъ эти чудачи-мужики вовсе не такіиъ языкомъ, какъ мы съ вами, а какимъ-то чудныиъ, неслыханныиъ языкомъ. Такииъ-то легкимъ образомъ былъ найдеаъ рсептъ для пріобрѣтенія литературнаго успѣха: публика восхищается странными нравами мужичковъ и диковиннымъ ихъ языкомъ—начнемъ же угощать ее этими блюдами и раздѣлимъ успѣхъ г. Григоровича, а пожалуй достигнемъ и ббльшаго успѣха, потому что перещеголять его въ пораженіи публики диковинными нравами и языкомъ вовсе не трудно: онъ далеко не вполне пользуется тѣми обильными матеріалами диковинныхъ особенностей, какіе могутъ быть найдены въ сельскоиъ бытѣ. Покажемъ ой, что мы умѣемъ говорить по-мужицки гораздо лучше г. Григоровича, что мы—если ужъ на то пошло—знаемъ крестьянскій бытъ, какъ свои пять пальцевъ.

И принялись удивлять публику своимъ знаніемъ врестьянскаго быта и мужицкаго языка.

И, дѣйствительно, удивили, — только не въ томъ смыслѣ, какъ рассчитывали. Въ произведеніяхъ, писанныхъ на новую тему людьми, не лишенными таланта, публика удивилась пустотѣ и безцвѣтности при наружной эффектности, а въ произведеніяхъ людей бездарныхъ—огромности претензій и страшной фальшивости тона. Впрочемъ, послѣдними качествами поражали иногда и рассказы извѣстныхъ писателей.

Расчеты на успѣхъ оказались ошибочны, и ошибка была такъ груба, что трудно даже извинить ее.

Въ самомъ дѣлѣ, неудачные подражатели г. Григоровича вообразили, что публика восхитилась въ его повѣстяхъ новизною; но ужели огромное большинство русскихъ читателей не знало крестьянскаго быта и не слыхивало крестьянскаго языка? Неужели «Деревня» произвела эффектъ въ родѣ того, какой производитъ рассказы о японцахъ и жителяхъ Ванъ-Димсовой Земли? Нимало: каждый читатель самъ зналъ очень хорошо русскихъ мужичковъ и, быть можетъ, половина читателей провели жизнь въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ ними. — Или печатные рассказы о мужикахъ были новостью, когда явилась «Деревня»? Если публика знала крестьянскій бытъ, то, быть можетъ, по крайней мѣрѣ, литература чуждалась его описаній? Нимало: отъ «Фрола Си лина» Карамзина до героевъ Загоскина тянется непрерывный рядъ литературныхъ мужичковъ, и въ то самое время, когда началъ писать г. Григоровичъ, были очень извѣстные рассказчики, вся дѣятельность которыхъ была посвящена описанію простонароднаго быта. Стало быть, по той сферѣ, изъ которой взято содержаніе «Деревни», повѣсть г. Григоровича вовсе не была новостью.

Правда, было въ ней нѣчто новое, но вовсе не мысль описывать крестьянскій бытъ: ново было то, что крестьянскій бытъ описывался вѣрно, безъ прикрасъ, что въ опнеаніи былъ видѣвъ сильный талантъ и глубокое чувство, возвышающееся до самой патетической поэзіи. Этииъ качестваиъ подражатели
мн подражать, потому, вѣроятно, что не считали ихъ важными, не

чувствуя присутствія ихъ въ себѣ. Но эти качества, упущенныя изъ виду славолюбивыми соперниками г. Григоровича, и были причиною, что его произведенія сдѣлали и продолжаютъ дѣлать такое сильное впечатлѣніе на публику, между тѣмъ, какъ люди, писавшіе до него и вслѣдъ за нимъ о тѣхъ же самыхъ мужикахъ, оставлены или вовсе не приняты публикою.

Но что такое талантъ, чувство, поэзія, вѣрность картинъ? о такихъ пустякахъ не думали подражатели: вѣдь, по ихъ мнѣнію, мужики понравились публикѣ какъ диковинка, заняли ее странностями языка и нравовъ. Этими-то качествами мужиковъ и хотѣли они выиграть, выказывая удивительнѣйшее, по собственному мнѣнію, умѣнье владѣть языкомъ и подмѣчать особенности обычаевъ поселянъ. Дѣйствительно, мужики у нихъ заговорили такъ, что не употребляли ни одной фразы, которая имѣла бы смыслъ на обыкновенномъ русскомъ языкѣ (которымъ, между прочимъ, говорятъ и крестьяне, не имѣющие средствъ объясняться на иныхъ языкахъ), не произносили ни одного слова, не исковеркавъ его; да и то была още милость, когда только коверкали обыкновенныя слова, а не вовсе отказывались отъ нихъ, замѣняя ихъ неслыханными въ народѣ русскимъ рѣченіями, заимствованными изъ «Словаря Областныхъ Нарѣчій». Нравы этихъ диковинныхъ поселянъ также не имѣли ничего общаго съ обыкновенными человѣческими или русскими нравами: не говоря уже о чувствахъ или понятіяхъ, даже въ затылкѣ почесывали мужички ужъ навѣрное никакъ не пальцами, а кулакомъ, да еще на особенный манеръ сложеннымъ, и ложку со щами подносили ко рту не обыкновеннымъ порядкомъ, а съ какими нибудь особенными извитіями рукъ и ухмылліями лица. И на каждое диковинное словечко своихъ мужичковъ, на каждое несообразное съ обычною логикою понятіе, на каждый странный жестъ ихъ, авторъ радовался, самъ дивясь чудному своему знанію всѣхъ никѣмъ дотолѣ не подмѣченныхъ особенностей народнаго быта и языка. Г. Григоровичъ никогда не достигалъ такой высоты: у него мужики и говорили, и думали, и поступали по человѣчески, отличаясь въ языкѣ и обычаяхъ отъ остальныхъ русскихъ не болѣе того, какъ отличаются дѣйствительные, живые русскіе поселяне, которые говорятъ и думаютъ о житейскихъ дѣлахъ почти такъ же, какъ и всякій другой человѣкъ, ве получившій книжнаго воспитанія. Мы ужъ сказали, отчего происходила эта разница: г. Григоровичъ не изумляется своему знакомству съ поселянами, не находитъ нужды щеголять этимъ знакомствомъ, онъ привыкъ видѣть въ поселянахъ людей такихъ же, какъ и мы съ вами, читатель, или, быть можетъ, и нѣсколько лучшихъ, нежели большая часть изъ насъ; онъ — какая рѣдкость! — онъ и любитъ ихъ просто, какъ людей, а не какъ чудаковъ, странности которыхъ могутъ давать литераторамъ поживу для курьезныхъ описаній. Если въ какомъ уѣздѣ поселяне произносятъ «хурушу», вмѣсто «хорошо», это, по его мнѣнію, такая же драгоценная для поэзія и такая же восхитительная для него находка, какъ «харашо», которое произносимъ мы вмѣсто «хорошо». Но для многихъ изъ его подражателей поселянинъ, въ самомъ дѣлѣ, диковинка, знаніемъ которой не могутъ они довольно нащеголяться, и на употребленія «хурушу» основаны и надежда ихъ на славу и любовь ихъ къ поселянамъ.

Безъ знанія или безъ любви что можетъ сдѣлать даже замѣчательный

талантъ? А если, притомъ, и талантъ у литератора, требующаго себѣ отячій за снисходительное знакомство свое съ мужиками, не слишкомъ великъ, что жъ удивительнаго, когда рассказы его изъ сельскаго быта такъ же пусты, аффектированы и скучны, какъ пусты, скучны и аффектированы были бы его повѣсти изъ аристократическаго быта?

Да и что хорошаго можетъ произвести насилуваніе своего таланта? Г. Григоровичъ тѣмъ и силенъ, что пишетъ простонародные рассказы по влеченію собственной природы, не насилуя таланта, а давая ему полный просторъ. А послѣдователи его начали описывать поселянъ не по влеченію таланта, а по разнымъ постороннимъ соображеніямъ, насилуя талантъ.

Есть люди, которые любятъ толковать о свободномъ творествѣ—почему жъ не толковать и объ этомъ предметѣ? дѣло хорошее, лишь бы только толкующій самъ понималъ, о чемъ толкуеть, и не смѣшивалъ свободнаго творчества, напримѣръ, съ пустословіемъ, которое относится скорѣе къ прозѣ, и, притомъ, очень пошлой прозѣ, нежели къ поэзи. Свободное творчество состоитъ въ томъ, чтобы поэтъ не насилуя своей природы: природа внушаетъ одному сатиру, другому идиллію,—пусть каждый изъ нихъ пишетъ, что ему внушаетъ природа таланта. Но если сатирикъ начнетъ гнуть свой талантъ, чтобы—хочешь, не хочешь—написать идиллію, тутъ уже не будетъ ровно никакой свободы творчества, а просто на просто будетъ насилуваніе таланта, и идилліи выйдеть хуже всякой пародіи на идиллію. Для Гоголя свободою творчества было писать о Чичиковыхъ и Бстрищовыхъ, а изображать Улиньку и Костанжогло было чистынъ насилуваніемъ таланта; Диккенса «Пиквикскій Клубъ» и «Тяжелыя Времена»—равно плоды свободнаго творчества, какъ и Пушкину «Онегинъ» не менѣе «Каменнаго Гостя» внушенъ свободнымъ творчествомъ. Уже болѣе двухъ тысячъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ высказана была истина, что верховнымъ правиломъ разумной жизни должно быть: «слушайся природы»—*secundum naturam vivere*. Пора намъ понять эту истину. И въ поэзи она такъ же безспорна, какъ во всемъ остальномъ.

Правда и то, что у однихъ натура сильна, здорова и влеченіи ея дѣльны, у другихъ—натура дрябла и влеченіи ея пусты. Конечно, людямъ послѣднѣго разбора непонятны здоровыя влеченіи и дѣльныя мысли. Къ числу такихъ людей принадлежать, между прочимъ, и тѣ, которые воображали, что прочной литературной славы можно достигъ у насъ, не имѣя сильныхъ и благородныхъ стремленій, что публика наша прельстится фразами безъ смысла, формою безъ живой идеи. Эти люди, особенно тѣ изъ нихъ, которые потерпѣли крушеніе собственныхъ литературныхъ надеждъ, могутъ быть недовольны г. Григоровичемъ, во первыхъ, за то, что ему досталась извѣстность, которой напрасно искали они, во вторыхъ, и за то, что въ его произведеніяхъ есть всегда живая мысль, необходимости которой никакъ не могли понять они. Но мнѣніе такихъ людей вовсе не законъ ни для г. Григоровича, ни для русской публики: она, что ни говорите, такъ умѣетъ цѣнить людей и награждаетъ своимъ сочувствіемъ только тѣхъ писателей, которые служатъ правдѣ, служа поэзи, потому что безъ правды нѣтъ и поэзи.

Горька участь литераторовъ, которые, несмотря на всѣ хлопоты, не успѣли приобрести славы, за которою гнались или еще продолжаютъ гнаться; но кто жъ

виновать въ томъ, что участь ихъ горька? Зачѣмъ они такъ узко и поверхностно поняли литературу, воображая, что она можетъ быть пуетословіемъ?

Кто, напримѣръ, виноватъ, если рассказы изъ простонароднаго быта вообще не раздѣляли того успѣха, которымъ постоянно пользовались произведенія г. Григоровича? Неужели охлажденіе публики надобно считать причиною неуспѣха многихъ писателей, въ подражаніе г. Григоровичу водившихъ насъ по избамъ и нивамъ?— Но вѣдь это охлажденіе не простиралось же никогда на произведенія г. Григоровича, и, напримѣръ, послѣдній романъ его былъ читаемъ всѣми съ величайшимъ одобреніемъ. Отчего же такая разница? Отчего г. Григоровичъ безъ всякаго труда приковываетъ къ себѣ вниманіе публики, когда многихъ другихъ повѣствователей о сельскомъ бытѣ не хочетъ она и слушать?

Г. Григоровичъ не забавляетъ себя и публику набираніемъ странныхъ словъ и странныхъ обычаевъ (чѣмъ ограничиваются другіе): въ его «Переселенцахъ» есть живая мысль, есть дѣйствительное знаніе народной жизни и любовь къ народу; у него поселяне выводятся не затѣмъ, чтобы исполнять должность диковинныхъ чудаковъ съ неслыханнымъ языкомъ: нѣтъ! они являются, какъ живые люди, которые возбуждаютъ къ себѣ полное ваше участіе. Въ этомъ и причина постоянного успѣха его повѣстей и романовъ изъ сельскаго быта.

Мы не будемъ пересказывать содержаніе «Переселенцевъ»: кто не читалъ еще этого романа, конечно, прочтетъ его. Мы не будемъ и перечислять сценъ, особенно хорошо исполненныхъ, или характеровъ, очерченныхъ особенно удачно, потому что это исчисленіе было бы слишкомъ длинно. Отъ хилаго и тѣломъ и духомъ Тимоея Лапши, котораго помѣщикъ переселяетъ въ саратовскіе луга изъ вотчины, гдѣ Лапшу не любили за то, что у него братъ Филиппъ скрывался въ бѣгахъ и промышлялъ воровствомъ, до жены Тимоея, Катерины, которая бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы какъ нибудь поддержать хозяйство, и до маленькаго тимоеева сына Пети, котораго Филиппъ отчасти выманиваетъ, отчасти силою отнимаетъ у отца и продаетъ нищимъ; отъ агронома и филантропа-помѣщика, Сергѣя Васильча Бѣллицна, который очень хорошо разеуждастъ объ обязанностяхъ помѣщика и о своихъ великолѣпныхъ планахъ, и разоряется, устроивая въ Петербургѣ прекрасные балы, до молодого гуртовщика Карякина, который хвастается тѣмъ, что не боится своего тятеньки,— почти всѣ характеры обрисованы съ обыкновеннымъ мастерствомъ г. Григоровича, такъ что выставляются живыми людьми. Заключеніе изъ своего рассказа выводитъ самъ авторъ въ слѣдующей сценѣ:

Узнавъ о смерти Тимоея Лапши, хозяйство и здоровье котораго было окончательно убито переселеніемъ, и о горькой участи его семьи, супруга Сергѣя Васильча, Александра Константиновна, надолго задумалась. Сергѣй Васильевичъ, вѣсть съ нею выслушавшій рассказъ старосты, тоже сидѣлъ молча.

«— О чемъ ты думаешь? спросилъ наконецъ мужъ, прикасаясь ладонью къ рукѣ жены.

«— Я думаю объ этой бѣдной женщинѣ и ея дѣтяхъ, думаю также о пощеникахъ... танныхъ, какъ мы... вымолвила Александра Константиновна.

«Сергѣй Васильичъ сильно потеръ лобъ ладонью и опустялъ голову.

«Надо сознаться, Serge, оба мы поступили непростительно опрометчиво, подхватила Александра Константиновна:—нѣтъ, мы живемъ совсѣмъ не такъ, какъ бы намъ слѣдовало!

«— Что ты хочешь этимъ сказать? краснѣя, проговорилъ мужъ.

«— Я хочу сказать, кротко возразила Вѣлицына: что если ужъ существуетъ наше положеніе—положеніе помѣщика, оно налагаетъ на насъ, помѣщиковъ, обязанности... строгія, святыя обязанности—право, такъ! Это не пустое слово, не фраза. Сколько разъ думала я: еслибъ владѣли мы только землями да лѣсомъ, наша безпечность была бы простибельна, насъ можно было бы извинить за наше незнаніе; но вѣдь въ рукахъ нашихъ живые люди, мы имѣемъ сотни семействъ, судьба которыхъ въ нашемъ полномъ распоряженіи... съ горячностью подхватила она:—какъ христіане, какъ граждане, наконецъ, просто какъ честные люди, можемъ ли мы быть безпечными? Имѣемъ ли мы право бросить этихъ людей на произволъ судьбы, не знать ихъ жизни, ихъ потребностей?.. Наше равнодушіе, наше невѣжество въ отношеніи къ быту этого народа, который круглый годъ, всю свою жизнь для васъ трудится и проливаетъ потъ свой,—наше равнодушіе и незнапіи постыдно и безчестно!.. Мы наряжаемся, пляшемъ, безумно тратимъ деньги, уважаемъ и принимаемъ за серьезное то, что въ сущности вздоръ, и почти презираемъ то, къ чему обязываютъ насъ совѣсть, религія и всѣ человѣческія чувства... Сердце возмущается и страшно дѣлается, какъ подумаешь обо всемъ этомъ! Нѣтъ, мы живемъ не такъ, далеко не такъ, какъ бы слѣдовало!..

«Но мы считаемъ лишнимъ досказывать то, что говорила Александра Константиновна. Мысль, которая одушевляла ее, и безъ того понятна,—мысль, по нашему мнѣнію, въ миллионы разъ дороже самаго пылкаго, блестящаго краснорѣчія.

«Во все время, какъ говорила Вѣлицына, Сергѣй Васильичъ не подвѣялъ головы. Когда она кончила, онъ продолжалъ сидѣть въ томъ же положеніи. Видно было, однакожь, что слова Александры Константиновны произвели на него сильное впечатлѣніе. Доброе лицо его выражало столько грусти, что, взглянувъ на него, Вѣлицына быстро подошла къ мужу и взяла его за обѣ руки.

«Она подумала, не зашла ли ужъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи, не оскорбила ли какънибудь нечаянно мужа, который, въ сущности, былъ главнымъ виновникомъ проекта о переселеніи и подавъ поводъ къ ея упрекамъ.

«— О чемъ ты думаешь? спросила она съ ласковой улыбкой.

«— О чемъ я думаю? вымолвить Сергѣй Васильичъ, подымая голову, при чемъ жена увидѣла слезы на глазахъ его:—я думаю, что ты по сто-тысятъ разъ умнѣе и честиѣ меня—вотъ что и думаю... Начинай же то дѣло, о которомъ ты говорила! подхватилъ онъ съ воодушевленіемъ:—начинай это дѣло, съ Богомъ, и я твой вѣрный, неизмѣнный помощникъ!...»

Александра Константиновна, женщина умная и, дѣйствительно, хорошая, видитъ необходимость взять управленіе въ свои руки, мало по малу приводить въ порядокъ разстроенное хозяйство и успѣваетъ облегчить участь поселянъ.

Нѣкоторые читатели замѣтатъ, что эта идея можетъ подать поводъ къ спорамъ—тѣмъ лучше: лишь были бы у насъ хотя споры о чемънибудь дѣльномъ, и это было бы уже важнымъ шагомъ впередъ. Но людей, которые желаютъ спорить съ Александрою Константиновною, мы, прежде всякихъ споровъ, просимъ обратить вниманіе на слова, которыми начинается ея монологъ: «если ужъ *существуетъ* наше положеніе», говорить она—она говорить не о своихъ идеалахъ, а только о своихъ обязанностяхъ при настоящемъ положеніи; но какъ она думаетъ объ этомъ положеніи, она того не говоритъ, и, по всей вѣроятности, у ней есть объ этомъ свои мысли, и, быть можетъ, мысли, не оставляющія мѣста никакимъ спорамъ.

Тѣ, которые съ интересомъ слѣдятъ за развитіемъ мнѣній такъ называемыхъ славянофиловъ, нетерпѣливо ожидали выхода второй книги «Русской Бесѣды», надѣясь найти въ ней трактатъ И. В. Кирѣевского «О необходимости и возможности новыхъ началъ для философіи». Трактатъ этотъ долженъ былъ пояснить, какъ именно нынѣ понимается, если во всѣми славянофилами, то многими и, кажется, послѣдовательнѣйшими изъ нихъ, теоретическій вопросъ объ общихъ началахъ знанія,—вопросъ, которому славянофилы придаютъ чрезвычайную важность.

Вышла вторая книга «Русской Бесѣды», и помѣщенъ въ ней трактатъ И. В. Кирѣевского... но мы не можемъ говорить о немъ, какъ намѣревались: находя многое въ немъ вѣрнымъ и прекраснымъ (особенно идею, что однихъ отвлеченныхъ понятій недостаточно для живаго рѣшенія вопросовъ жизни, потому что умъ человѣка не есть еще весь человѣкъ, а жить нужно всему человѣку, и не однимъ разеудкомъ, а также любовью), выходя, что вся статья, напечатанная теперь ¹⁾, проникнута духомъ благороднымъ и чистымъ отъ фанатизма или нетерпимости,—находя наконецъ въ изложеніи статьи силу мысли, не совсѣмъ обыкновенную и возбуждающую къ себѣ невольное уваженіе, какъ возбуждаетъ уваженіе всякій сильный умъ,—потому, имѣя сказать многое въ похвалу статьи, мы, однако же, находимъ въ ней ошибки, которыя намъ кажутся важными, и, какъ слѣдствіе ошибокъ, нѣкоторыя мнѣнія, какъ намъ кажется, несоотвѣтствующія или нывѣшнему состоянію науки, или потребностямъ жизни. Конечно, мы не могли бы оставить эти мнѣнія безъ замѣчаній. Но надъ свѣжею могилою, недавно поглотившею Кирѣевского, немѣстны и неприличны были бы не только споры, даже все, что могло бы походить на споръ. Да и къ чему теперь возражать, опровергать? Къ сожалѣнію, нѣтъ уже надобности защищать противъ Кирѣевского тѣ изъ нашихъ убѣжденій, справедливость которыхъ не призывалъ онъ—къ сожалѣнію, говоримъ мы, потому что не въ развитіи тѣхъ или другихъ мнѣній, могущихъ возбуждать несогласія, состояло главнѣйшее значеніе Кирѣевского, а въ развитіи стремленій благородныхъ и полезныхъ для нашего общества, столь мало еще проникнутаго потребностью мыслить, жаждою истины. Жажда истины, дѣятельность мысли—зародышъ и залогъ всего благаго; а въ Кирѣевскомъ была эта жажда истины, онъ пробуждалъ въ другихъ дѣятельность мысли. Потому, во всякомъ случаѣ, онъ былъ полезенъ и нуженъ у насъ.

«Русская Бесѣда» посвящаетъ нѣсколько страницъ воспоминанію о Кирѣевскомъ. Страницы эти проникнуты искренностью глубокаго чувства и написаны прекрасно. Мы беремъ изъ нихъ тѣ мысли, въ которыхъ совершенно согласны съ мнѣніями или чувствами, высказываемыми отъ имени «Русской Бесѣды» о ся покойномъ сотрудникѣ.

«Сердце, исполненное вѣжвости и любви; умъ, обогащенный всѣмъ просвѣщеніемъ современной намъ эпохи; прозрачная чистота кроткой и беззлобной души; какая-то оособная мягкость чувства, дававшая особенную прелесть разговору; горячее стрем-

¹⁾ Кирѣевскій успѣлъ обработать только половину трактата, которымъ занимался въ послѣднее время жизни, только первую, критическую часть своего изслѣдованія; вторая часть, которая должна была содержать догматическое построение началъ его собственной системы, осталась не написанною.

леніе къ истинѣ; необычайная тонкость діалектиа въ спорѣ, сопряженная съ самою добросовѣстною уступчивостію, когда противникъ былъ правъ, и съ какою-то вѣжною пощадю, когда слабость противника была явнѣе; титанъ веселость, всегда готовая на безобидную шутку, врожденное отвращеніе отъ всего грубаго и оскорбительнаго въ жизни, выраженіи мысли или отношеніяхъ къ другимъ людямъ; вѣрность и преданность въ дружбѣ, готовность всегда прощать врагамъ и мириться съ ними искренно; глубокая ненависть къ пороку и крайнее снисхожденіе въ судѣ о порочныхъ людяхъ; наконецъ безукоризненное благородство, не только не допускавшее ни пятна, ни подозрѣнія на себя, но искренно страдавшее отъ всякаго неблагородства, замѣченнаго въ другихъ людяхъ: таковы были рѣдкія и неоцѣненные качества, по которымъ Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій былъ любезенъ всѣмъ, сколько нибудь знавшимъ его, и безвѣчно дорогъ своимъ друзьямъ. Смерть его останется неосцѣлимомъ раномъ для многихъ.

«Но потеря Ивана Васильевича Кирѣевскаго важна не для однихъ личныхъ его знакомыхъ и не для тѣснаго круга его друзей: вѣтъ! она важна и незамѣнима для всѣхъ его соотечественниковъ, истинно любящихъ просвѣщеніе в самобытную жизнь русскаго ума. Немного оставилъ онъ памятникъ своей умственной дѣятельности— нѣсколько листовъ составляютъ весь итогъ его печатныхъ трудовъ; но въ этихъ немногихъ листахъ заключается богатство самостоятельной мысли. Нашему убѣжденію будетъ, конечно, сочувствовать всякій, кто съ разумомъ прочелъ или теперешнюю статью Ивана Васильевича Кирѣевскаго, или тѣ, которыя напечатаны въ «Москвитиннѣ» и въ «Московскомъ Сборникѣ».

«Слишкомъ рано писать его біографію; сважемъ только, что жизнь его украшена была съ первой молодости пріязнію Пушкина, горячею дружбою Жуковскаго, Баратынскаго, Языкова и (слишкомъ рано увядшей надежды нашей словесности) Д. В. Веневитинова. О движеніи и развитіи его умственной жизни и о литературной дѣятельности говорить также еще нельзя.... Но придетъ время, когда наука оцѣнитъ его достоинство и опредѣлитъ его мѣсто въ движеніи русскаго просвѣщенія. Выводы, имъ добытые, сдѣлавшись общимъ достояніемъ, будутъ всѣмъ извѣстны; но его немногія статьи останутся всегда предметомъ изученія по послѣдовательности мысли, постоянно требовавшей отъ себя строгаго отчета, по характеру теплой любви къ истинѣ и людямъ, которая вездѣ въ нихъ просвѣчиваетъ, по вѣрному чувству изящнаго, по благоговѣйной признательности его въ своимъ наставникамъ, предшественникамъ въ путяхъ науки, даже тогда, когда онъ принужденъ былъ осуждать, и особенно по какому-то глубокому сочувствію не высказаннымъ требованіямъ всего человѣчества, алчущимъ животворящей правды.

«Память твоя да будетъ съ праведною похвалою, нашъ усопшій братъ!»

Скажемъ и мы отъ себя:

Да будетъ память твоя съ праведною похвалою, честный и полезный дѣятель русской мысли, человѣкъ замѣчательный по высокимъ качествамъ ума и благороднымъ достоинствамъ сердца!